

МИРОВОЗЗРЕНИЕ И МИРОСОЗЕРЦАНИЕ КАК СПОСОБЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Жданык А., кандидат искусствоведа, старший преподаватель
Харьковская государственная академия культуры

Аннотация. На основе разграничения значений общепотребимых в искусствоведческих науках понятий «мировоззрение» и «миросозерцание», выявляются генеральные типы отношения личности к миру и соответствующие им способы познания.

Ключевые слова: мировоззрение, миросозерцание, художественное мышление, художественная картина мира.

Анотація. Жданык А. Світогляд і світобачення як способи моделювання дійсності. На засадах розмежування значень загальноживаних у мистецтвознавчих науках понять «світогляд» і «світоспоглядання», виявляються генеральні типи відношення особистості до світу та відповідні їм засоби пізнання.

Ключові слова: світогляд, світоспоглядання, художнє мислення, художня картина миру.

Annotation. Gdanko A. World view and attitude as methods of design of reality. The terms: "world outlook" and "world contemplation" appear on the basis of differentiation of the meanings used in art critic sciences, they demonstrate the relationship of a person to the world and corresponding ways of cognition.

Keywords: world view, world outlook, artistic thought, artistic picture of peace.

Постановка проблемы. Одна из закономерностей развития научной мысли в области гуманитарного знания состоит в периодическом пересмотре либо уточнении уже сложившегося понятийного аппарата или его отдельных единиц. С особой остротой задача такого рода обнаруживается в переломные моменты самой истории культуры, когда совершающийся интенсивный процесс переоценки ценностей требует открытий в устоявшейся терминологии актуальных для современности значений. К таковым относятся парные понятия «мировоззрение» и «миросозерцания», употреблявшиеся в музыковедческих трудах в широком смысловом контексте без ясного разграничения их значений. Между тем, для постижения многих явлений искусства нашего времени и их адекватной оценки, необходимо стоящие за ними способы моделирования действительности осмыслить не только с точки зрения используемых художником средств, но и в более широкой перспективе, как отношение к ней творческой личности.

Объектом настоящей статьи избраны общеупотребимые в искусствоведческих науках (в частности, в музыковедении) понятия «мировоззрение» и «миросозерцание». **Предметом** – разграничение их значений.

Цель статьи заключается в установлении генеральных типов отношения личности к миру и соответствующих им способов познания. **Методологической базой** статьи послужили труды ученых различных специальностей – культурологов, музыковедов, русских философов XIX – начала XX ст., а также материалы, помещенные в справочно-энциклопедических изданиях.

Анализ последних исследований. Содержание любого научного понятия раскрывается в полной мере на оси взаимодействия зафиксированного в слове пра-смысла и горизонтали значений, которые оно приобретает при вхождении в различные контексты. При этом происходит не уничтожение первичного смысла, а его расширение, приращение. Следовательно, и постижение феномена, лежащего за понятием-словом, во многом зависит от того, насколько ученый владеет всем присущим ему содержательным спектром. Поэтому выяснение сопряжений понятий *мировоззрение* и *миросозерцание* целесообразно начать с погружения вглубь их словесной («внутренней» по А. Потебне) [16] формы – этимологию смысла, благодаря чему станет доступным непосредственному восприятию их означаемое.

Результаты исследований. С нетерминологической точки зрения понятия «мировоззрение» и «миросозерцание» на первый взгляд кажутся синонимичными. При лингвистическом подходе они предстают сложно-составными словами, где первый компонент – «миро-» – идентичен, вторые же подобны друг другу, так как «воз-зреть» и «со-зерцать» имеют общий корень «зрить». Вместе с тем, даже при таком подходе названные понятия обнаруживают и явные различия, нивелирующие взаимную эквивалентность их значений и разводящие их по разные стороны вербально-этимологического смысла. Благодаря приставке «воз» первоначальный глагол «зрить» начинает указывать на разобщенность «зрящего» и объекта «зрения»; напротив, приставка «со» представляют их в некоем целокупном единстве, со-гласии, со-бытии¹.

Поскольку слово, как известно, выступает вербализованной формой существования сложившегося в ходе культурно-исторической деятельности представления, естественно, что и в строго терминологическом отношении «мировоззрение» и «миросозерцание» отражают различные стороны (модусы) отношения к миру и, следовательно, обладают каждое собственным значением. Для выяснения понятийных различий между данными словами-терминами

¹ В этом плане любопытно истолкование русских слов с названной приставкой, содержащееся в современном издании Философского энциклопедического словаря. Так, сострадание – инстинктивное участие в боли и страдании другого человека; событие – сосуществование, бытие совместно с другими. По М. Хайдеггеру, «поскольку все существует в мире (Бытие-в-мире), мир – всегда тот мир, который, я разделяю с другими. Мир существования есть со-мир» [20, с. 427, 422]. Иными словами, со-зерцание подразумевает сопричастность индивида миру, его вхождение в мир, принятие им мира как чего-то соприродного себе.

обратимся к соответствующим дефинициям, содержащимся в научной и справочной литературе.

В самом общем плане *мировоззрение* трактуется как «система обобщенных взглядов на современный мир и место человека в нем, на отношение людей к окружающей их действительности и самих себя, а также обусловленные этими взглядами их убеждения, идеалы, принципы познания действительности» [18, с. 809]. Далее в приведенной дефиниции подчеркивается всеобъемлющий характер мировоззрения, охватывающего естественно-научные, социально-исторические, технические, философские знания, идеологию. Сквозь призму определенного мировоззрения личность и социальная группа воспринимают действительность и руководствуются им в своем повседневном поведении, формировании жизненных целей и интересов [18, с. 809]. Как видим, в таком истолковании мировоззрение предстает некой идеальной моделью общения человека с миром, самим собой и другими особями, социумом в целом и распространяется на всю культуру – обратим внимание на нормативность мировоззрения, оговоренную в приведенном определении. Столь широкую, выходящую за границы собственно философского знания интерпретацию «мировоззрения» находим в Философском энциклопедическом словаре, где данное понятие предстает обозначением совокупности результатов метафизического мышления и исследований, причем под «метафизикой» понимается наука, объединяющая различные виды познания, в том числе, философского. Здесь приводится определение М. Шелера, согласно которому мировоззрение – «управляющий всей культурой или одной личностью вид селекции и членения, в котором оно (мировоззрение) фактически вбирает чистую сущность физических, психических и идеальных вещей, независимо от того, как совершается их осознание и даже происходит ли это осознание вообще» [18, с. 271]. Совокупность мировоззренческих знаний составляет картину мира [18, с.201]. Из приведенных определений видно, что мировоззрение есть система представлений о мире, на основании которой осуществляется организованная и упорядоченная деятельность социума и индивида. Что же касается *миросозерцания*, то в названных изданиях оно вообще не фигурирует, что требует своего осмысления и объяснения. Поскольку это выходит за рамки поставленной исследовательской задачи, укажем лишь на ту причину сложившейся ситуации, которая связана с «внутренней формой» слова *мировоззрение*.

«Зреть мир» подразумевает наблюдение с определенной, наиболее оптимальной для зрящего позиции, избирательный подход к целому и его частям, отвлечение от всего, что лежит по ту сторону от нее. Иначе говоря, *означаемым* данного слова выступает так называемое дискурсивное мышление, или мышление логическое. Это обуславливает адекватность названного слова понятийно-терминологическому аппарату философской науки, основанной на логико-рационалистических методах познания, и отражает их аналитичность, т. е. нацеленность на классификацию, разделение, пространственно-смысловое

разведение значений. Поскольку именно такой тип мышления ассоциируется, как правило, с философией как таковой², отвечающее ему «мировоззрение» занимает исключительную позицию в энциклопедических изданиях, сориентированных в силу своего жанра на хрестоматийное, академическое, т. е. общепринятое и глубоко укорененное в науке знание.

Вместе с тем, как свидетельствуют материалы этих же источников, наряду с дискурсивно-логическим мышлением существует и иное, называемое обычно интуитивным, при котором познание осуществляется «путем созерцания» [20, с. 281]. В противовес аналитизму, расчлененности, избирательности во взгляде на мир, такое мышление тяготеет к схватыванию действительности в ее полноте и единстве. «Со-зерцать мир» – значит «обнимать» его внутренним видением, допускать существование множественности позиций, точек зрения, целостно подходить к единому и его частям, вбирая все грани реально обозримого (интуитивно познаваемого) сущего. Не случайно, по С. Ожегову, «мировоззрение» есть система взглядов, воззрение на природу и общество, «миросозерцание» же – тождественно миропониманию [13, с. 345]. В противовес «мировоззрению», «миросозерцание» предполагает взаимно сопряженное во времени-пространстве наложение различных его измерений (как в кубизме или иконе), когда пространственно-временная позиционность в известной мере утрачивает свою значимость³. В социальном аспекте оно приобретает некоторое коллективно-соборное содержание, также вытекающее из принципа наложения различных плоскостей, действующих на уровне индивидов. Причем в данном контексте понятие «соборность» не обязательно несет в себе религиозно-христианское значение, хотя опосредованно и связано с ним. В отличие от «массы», где происходит полное обезличивание отдельных фигур, в соборе каждая из них сохраняет свою самость, не растворяясь в других индивидуальностях, хотя и вбирает их в себя, приобщаясь к ним⁴.

Из сказанного следует, что двукоренное слово «миросозерцание» излучает пучок смысловых оттенков: «мир» – это одновременно и предмет созерцания, и результат, то есть знание, которое рождается вследствие созерцания; «созерцание» же – это синхронизированное, многопозиционное положение созерцающего по отношению к предмету, при котором одновременно сохраняется и дистанцированность от него, и приобщение к нему. Для того чтобы представить строго научную, терминологическую суть миросозерцания, обратимся вновь к философским дефинициям.

В отличие от *миросозерцания* понятие *созерцание* находит в справочных энциклопедических изданиях свое законное место. Приведем несколько определений. «Созерцание (филос.), процесс непосредственного восприятия

² Именно этот факт послужил А. Лосеву еще в 1918 году отправным моментом в оценке русской философии и её вклада в современную картину философских знаний [6].

³ О многофокусности созерцания, присущей ему несводимости к одной, зафиксированной в пространстве точке обзора (зрения) пишет Г. Орлов, связывая данный феномен с разработанным П. Флоренским положением об обратной перспективе в русской иконописи [14, с. 380].

⁴ Это, собственно, и есть то со-бытие, которое, по М. Хайдеггеру, составляет со-мир.

действительности. Понятие созерцание в идеалистической философии (Платон, Э. Гуссерль) связано с понятием интуиции. В диалектическом материализме созерцание рассматривается как чувственная ступень познания» [18, с. 1233]. «Созерцание – прежде всего это непосредственное, зрительное восприятие предметов, затем весь мир непосредственных восприятий или вообще внутренний процесс образования форм, в которых выступает все вещественное и имеющее смысл. Созерцание означает как процесс созерцания, так и результат, созерцаемое» [20, с. 422-423]. В последнем источнике указывается на множественность философских значений понятия «созерцание», «иногда противоречащих друг другу». Автор выделяет две группы его толкований. Одна из них связана с чувственными впечатлениями; другая, напротив, – с нечувственными идеями, значениями, ценностями действительных вещей. К первой группе относится созерцание как восприятие вообще, зрительное созерцание и эмпирическое, непонятийное, нерациональное познание действительности. Ко второй – созерцание как рассмотрение значений чисто логического и математического характера, как внутренний процесс непосредственного образования идеи, как явственное осознание этических принципов и норм и, наконец, как восприятие абсолютного Бога [20, с. 422-423].

Разделяют такие понятия, как *созерцание сущности* и *интеллектуальное созерцание*. Первое из них подразумевает «созерцание идеи, значения – духовный акт, с помощью которого человек постигает идею вещи, значение сущности или непосредственно, или опосредованно через восприятие соответствующей вещи» (*курсив автора*) [20, с. 444]. Интеллектуальное созерцание – «способ познания, благодаря которому метафизический абсолют постигает непосредственно, наглядно» [20, с. 182]. Нетрудно заметить, что, несмотря на, казалось бы, существенный разброс значений слова «созерцание», их объединяет фактор непосредственности и вечности. Различия пролегают по линии цели созерцания, его предмета – мира явленного или мира идеального, путь же постижения этих миров так или иначе связан с двуединством вещи и идеи, телесного и духовного и даже трансцендентного, поскольку речь идет о созерцании абсолютного Бога.

Термин *созерцание* употребляется и в музыкальной науке. Его использует, например, Г. Орлов в контексте изучения проблемы времени и пространства музыки [14]. Автор выделяет в развертывании музыкального текста два уровня его восприятия: временное и вневременное. Первое из них связано с психологическим переживанием длительности, другое – с целостным впечатлением не только от возникшего образа, но и от самого звукового движения и связано с постижением его смысла. Исследователь считает созерцание одной из фаз (процесса или состояния) восприятия как более широкого понятия и сложного явления, которое «дает ключ к пониманию перехода чувственного в идеальное, духовное, временное во вневременное» [14, с. 371]. В ходе своих рассуждений он приходит к выводу, что в момент этого перехода происходит развеществление и одухотворение мелодии, вследствие чего она выступает уже

«не как чувственно воспринимаемая последовательность звуков во времени, а как целостный образ, представленный вне времени, как одновременно схватываемая и постигаемая пространственно мыслимая форма» [14, с. 371]. Тем самым к прежним характеристикам созерцания – непосредственности и наглядности – прибавляется третий: пространственная, вневременная суть. Переходность созерцания как фазы восприятия музыкального текста не уничтожает его связи с чувственно постигаемым, но скорее позволяет ощущать и понимать их в единстве явленного и сущностного, вещи и идеи.

Г. Орлов обращает внимание на этимологическую близость в некоторых европейских языках слов «созерцание» и «храм» (фр. *contemplation* от «*temple*» – «храм»), вследствие чего «созерцание» понимается им, в соответствии с высказыванием философа Пауля Тиллиха, как «вхождение в храм, в сферу святого, в глубокие корни вещей, в творящую их почву. Мы созерцаем таинственные силы, которые называем красотой, истиной, добром. Мы не можем видеть их самих по себе, мы можем увидеть их только в предметах и событиях...» [14, с. 372]. Не отсюда ли идея о возможности созерцания абсолютного Бога? Как видим к прежним трем характеристикам «созерцания» прибавляется четвертая: целостность и полнота отражения мира, неделимого на «вещи» и «смыслы», чувственное и интеллектуальное его постижение.

Проблема целостности познания составляет один из ключевых вопросов философии, основанной на *созерцании*⁵. В. Одоевский, вспоминая об эпохе, когда «метафизика была такою же общою атмосферой, как нынче политические науки», акцентирует именно момент отвлеченного умозрения, восклицая: «как искусственно, как произвольно, как нелепо деление человеческих знаний на так называемые науки. В обширном каталоге наук, собственно, нет ни одной, которая бы давала нам определенное понятие о целостности предмета» [12, с. 8, 10]. Словно в продолжение этой темы русский философ-интуитивист Н. Лосский, характеризуя наследие Вл. Соловьева, специально оговаривает, что для последнего «эволюция не есть только процесс развития и совершенствования, но и процесс собирания вселенной» (*курсив автора*) [7, с. 287]⁶. Сам автор понимает целостность как достижение абсолютной полноты бытия, считая стремление к ней основной, хотя чаще всего бессознательной целью всякого человека («субстанционального деятеля», в его терминологии) [7, с. 275]. Для выяснения сути «созерцания» важно также положение философа о самоценности бытия. «Все сущее, – пишет он, – или могущее быть и вообще как-либо принадлежать к составу миру таково, что оно не только есть, но еще и содержит в себе оправдание своего бытия...» [7, с. 7]. Самоценность же, согласно тезису В. Штерна, приводимому Н. Лосским, есть «в себе покоещееся значение, смысл – ищущий исполнения и находящий его в

⁵ Проблема целостности актуальна и для музыкальной науки [10, 11].

⁶ Источником информации о философских взглядах Н. Лосского нам послужило издание, включающее ряд работ этого автора, но объединенное общим названием «Ценность и Бытие». Здесь и далее даются ссылки на конкретный труд философа с указанием страниц по названной публикации.

себе самом». Автор обращает внимание на оговорку В. Штерна относительно того, что «здесь приходится прибегать к несовершенным описаниям, чтобы дать знать о том, что собственно, «уже невыразимо»» (*курсив автора*) [7, с. 32]. Иными словами, созерцание полноты бытия позволяет проникнуть в смысл любого его элемента⁷.

В данном контексте интересно толкование понятия *ощущение*, представленного в современном Философском энциклопедическом словаре: идентифицируя его сперва с чувствами (в обычном понимании), автор-составитель делает затем очень ценную оговорку, отмечая, что в ощущении единичное чаще всего выступает частью сложного комплекса. В подтверждение своей мысли он приводит характерный пример, заимствованный из области звучаний: «вместе с ощущением звука возникают ощущения, которые указывают на то, громкий ли этот звук или тихий, высокий или низкий, гармоничный или дисгармоничный, в каком направлении он слышится и т. д.». Переступая через порог сознания, комплексно ощущаемый звук становится частью образа [20, с. 327-328]. На более высоком уровне познания комплексность проявляется, как известно, в способности к метафорам, ассоциациям, аналогиям, выходящим за рамки данного художественного материала. К этому же ряду, вероятно, можно отнести и так называемый «цветной слух». Таким образом, созерцание как охват мира в его целостности заложено в самой структуре и механизме непосредственных ощущений.

Вытекающее из научной литературы толкование термина *созерцание* вплотную сближает его с другим философским понятием – *интуиция*. В противовес Г. Орлову, ведущему происхождение слова «созерцание» от французских корней, философы склонны возводить его либо к позднелатинскому «*intuisio*», либо к латинскому «*intuitus*» [18, с. 498; 20, с. 185]. Тем самым с этимологической точки зрения *созерцание* и *интуиция* оказываются понятиями тождественными. Напомним, что и в одном из приведенных выше определений «созерцание» в качестве термина идеалистической философии приравнивается к интуиции.

Итак, что такое «интуиция» с точки зрения философской науки? Приведем характеристику, данную интуитивизму А. Бергсона М. Шелером. Автор видит величие французского философа «в той силе, с которой он сумел дать иное направление отношению человека к миру и к душе». Суть его состоит в стремлении «полностью положиться на чувственные представления, в которых выступает содержание вещей», глубоко доверии «в непоколебимость всего «данного», выступающего как нечто простое и очевидное», мужественном растворении в созерцании и любовной устремленности к миру «во всей его наглядности» [20, с. 39]. Сам А. Бергсон видел задачу философии в том, чтобы «реконструировать вселенную с помощью интуиции тем, что она в возрастающей степени приобретает с нею непосредственный контакт, а равно и

⁷ Здесь и далее мы сознательно абстрагируемся от присущего Н. Лосскому понимания мира как Царства Божия.

тому, что она разрушает те формы и схемы, которые придают вселенной характер чисто человеческой среды» [20, с. 185]. Согласно дефиниции, предлагаемой автором-составителем цитируемого издания, интуиция – «рассматривание, видение, созерцание, а также (с древних времен) духовное видение, вроде вдохновения, понимание, приобретенное непосредственно, а не эмпирически или путем размышления (рефлексии), непосредственное переживание действительности, «откровение, развивающееся изнутри человека» (И. В. Гете)». Отсюда интуитивное знание – «понимание сути предмета, полученное благодаря интуиции, непосредственному постижению сути вещей» (там же). *Непосредственность* как связующее звено между «созерцанием» и «интуицией» мыслит Н. Лосский: «*непосредственное восприятие* не только своей, но и чужой жизни, я называю словом *интуиция*»; «наше знание есть непосредственное созерцание действительности («интуиция») <...>» (курсив автора) [20, с. 121, 16].

В труде, специально посвященном раскрытию сути интуиции, философ выделяет следующие ее виды: *чувственная, нечувственная, интеллектуальная и мистическая* [8]. Свойство восприятия чувственных качеств вещи на общей, более или менее абстрактной основе автор определяет понятием духовного видения [8, с. 186-187]. Согласно его представлениям, подлинная полнота восприятия «достигается лишь в том случае, если внимание субъекта направлено и на тождественную сторону предмета, и на изменчивые, колеблющиеся перспективные аспекты его, и на динамическую активность, присущую ему...», что свойственно преимущественно людям, способным к эстетическому созерцанию природы. Иными словами, созерцаемый предмет как бы сосуществует для созерцающего одновременно в нескольких плоскостях, что невозможно вне его духовного видения. В том случае, когда предметом созерцания выступает душевная жизнь – своя или чужая – вне примеси физической жизни, мы имеем дело с нечувственной интуицией (отражение психической жизни во взоре, улыбке и пр.). Интуиция, осуществляемая вне посредства органов чувств, именуется Н. Лосским интеллектуальной: она направлена на созерцание идеального бытия⁸. Подлинное знание возникает лишь в сочетании чувственной интуиции, связанной с реальными чувственными данностями, нечувственной, нацеленной на реальные психические процессы, и интеллектуальной, постигающей идеальные аспекты бытия. Эту многосоставную интуицию Н. Лосский именует умозрением или просто мышлением [8, с. 197]⁹.

⁸ Н. Лосский различает реальное бытие, характеризующееся пространственно-временной раздробленностью, телесностью, – и идеальное, причем одно просвечивает в другом, сосуществует с другим в нерасторжимом единстве, отчего и философию свою он именует «идеал-реализмом» [8, с. 197].

⁹ Оригинальную трактовку Н. Лосский дает мистической интуиции: она «открывает не только такие легко выражимые в понятиях и доступные интеллектуальной интуиции аспекты я, как сверхпространственность, сверхвременность, принадлежность ему, как носителю, качеств и событий; <...> она ведет к усмотрению той, стоящей выше ограниченных определений качеств силы его, которая делает его способным к свободе и творчеству <...> к усмотрению индивидуального своеобразия я» [8, с. 285].

Полнота знания, возникающая в результате непротиворечивого взаимопроникновения различных интуиций, отражает идеально-реальную полноту самого бытия (или мира). Как подчеркивает Н. Лосский, каждое «это» (то есть единичное, несводимое к сущности) обладает особым содержанием, «исключающим весь остальной мир»: например, желтизна, есть не синева, не твердость, не точка и пр. Философ характеризует данную ситуацию «взаимоисключением содержаний мира», которое, однако, не является реальной борьбой этих содержаний в пространстве и во времени, уничтожением одного бытия другим, но совмещается одно с другим в одном и том же времени-пространстве и в одной вещи: «одно и то же пространство может быть пропитано голубым светом и ароматом резины, одна и та же вещь может быть желтой и твердой; человеческая душа может быть охвачена одновременно грустью и благоговением и т. п.» [8, с. 198]. И наоборот, названные свойства могут разделяться во времени-пространстве, сохраняя между собой связь. Такую противоположность философ называет идеальной – в противовес реальной, основанной на их борьбе и взаимоисключении [8, с. 198].

Итак, *созерцание* есть непосредственно-интуитивный способ постижения мира, в результате которого сам мир предстает в «подлиннике» (Н. Лосский), то есть во всей своей многогранной полноте и наглядности, реальности и идеальности, а знание о нем приобретает целостный характер, благодаря скрещиванию в реальном фокусе различных смысловых линий или их взаимному сопряжению, возникающим вследствие множественности точек зрения на один и тот же объект. Постольку, поскольку в качестве такового выступает весь мир (как данность и как смысл, а также самоценность), созерцание может получить уточняющее его объект слово «мир». Следовательно, если говорить о мирозозерцании, как о *позиции*, то оно, в противовес мировоззрению, есть такое многообразие точек зрения, которое дает возможность полисмыслового познания действительности, в конечном счете представляющей (при таком подходе) парадигмой расширяющихся смыслов и сопрягаемых между собой в различных сетках координат смысловых полей. Говоря метафорически, мировоззрение дает четкую и однозначную схему-карту мира, мирозозерцание же – его полнокровный, многогранный и многосмысловой образ.

Краткий экскурс в область значений слов-понятий *мировоззрение* и *мирозозерцание* позволяет спроецировать данную оппозицию на иные, нефилософские сферы познания и деятельности. На основе двух различных моделей мышления современный философ и культуролог Г. Померанц выделяет две исторически сложившиеся модели мира, одна из которых представляет его в виде цельности, пронизанной «единым ритмом», другая, напротив, акцентирует атомарность его структуры. Первую модель он называет *поэтической*, вторую – *научной*¹⁰. Каждая из них обладает собственной

¹⁰ Автор оговаривает, что предлагаемые им модели мира не вполне соответствуют искусству и науке [15, с. 12-13]. Он охотнее оперирует понятиями «инь» и «янь» [15, с. 12-13].

системой знаков, соответственно, составленной из слов-образов с широким кругом значений, и слов-терминов со строгим понятийным содержанием. С этих позиций «миросозерцание» более органично отражает природу эстетических явлений, что изначально обуславливает его выбор в качестве обозначения-обобщения того типа отношения к миру, который наиболее органичен для творческой личности, выражающей это отношение средствами искусства.

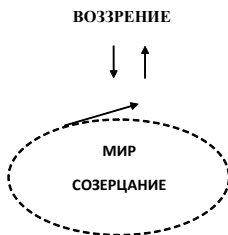
Эстетический и чувственный – понятия, этимологически близкие. Первое из них происходит от греческого «aisthetos» – чувственно воспринимаемый и означает – «доступный чувственному созерцанию» [20, с. 545]¹¹. Поскольку же само «созерцание» подразумевает некоторую полноту восприятия, связанную с его непосредственностью, необходимо указать на такой существенный момент «миросозерцания», как *телесность*. Н. Лосский мыслит телесность как «пространственно оформленное действие». Полагая, что всякая духовность и душевность воплощены, он выдвигает тезис об учении о *пансоматизме*, как представлении о всеобщей, универсальной телесности мира [8, с. 213]. Заметим, однако, что сама телесность может мыслиться в различных проявлениях и, соответственно, смысловых измерениях. В этом плане показательна параллель-противопоставление, проводимая С. Аверинцевым между библейскими и античными текстами. «Выявленное в Библии восприятие человека не менее телесно, чем античное, но только тело для него не осанка, а боль, не жест, а трепет, не объемная пластика мускулов, а уязвленная «потаенность недр» [1, с. 62]. Здесь раскрывается двоякий смысл «созерцания» – как скольжение по поверхности чувственно воспринимаемых явлений (посредством чувственной интуиции, по Н. Лосскому) – и как «вчувствовании изнутри» посредством нечувственной интуиции в его же терминологии.

Оговорим, что применительно к музыке возможно употребление и другого термина – *мироощущение*. Анализируя философию музыки А. Лосева, А. Фарбштейн обращает внимание на предпочтение, которое ученый отдавал именно этому понятию, считая его наиболее адекватным выражением предметной и психической специфики музыки [19, с. 88]. Действительно, слово *мироощущение* раскрывает отношение человека к миру посредством настроений, чувств, действий, то есть, прежде всего обнаруживает его через эмоцию. Однако и сама эмоция, может выступать не только материализованной формой раскрытия отношения человека к миру и его фрагментам, но и предметом отражения, то есть одновременно средством и целью, в силу чего требуется познавательный акт, осмысляющий ее, делающий объектом восприятия и оценки. Таковым и предстает *созерцание*. Кроме того, данное понятие, как было показано выше, позволяет связать различные виды интуиции в единое целое, вследствие чего с его помощью осуществляется естественный

¹¹ Именно так сформулировал суть созданной им науки эстетики А. Баумгартен: «Эстетика (теория свободных искусств, низшая гносеология, искусство прекрасно мыслить, искусство аналога разума) есть наука о чувственном познании» [2, с. 452].

переход от строго научных (в данном случае, философских) построений к непосредственно образному мышлению. Более того, допустимо предположить, что «созерцание» – та пограничная зона, в которой сходятся *дискурсивный* аналитизм и непосредственное видение: не случайно у А. Бергсона интуиция – «одновременно и общее и внутреннее видение результатов анализа, но не до-аналитическое понимание вещей» [20, с. 185].

Попытаемся выразить сопряжение *мировоззрения* и *миросозерцания* в виде схемы:

Как видим, «мир» и «воззрение» соединяются по принципу двусторонней, но однолинейной связи между пространственно разделенными «телами»¹². Напротив, «мир» и «созерцание» находятся в едином векторе, беспредельность которого показана фигурой незамкнутой параболы, а пронцаемость посредством пунктира. Если же рассматривать второй род отношений позиционно, то тогда целесообразно предложить другую схему:

Выделенные на схеме четыре позиции скорее символичны, чем буквальны, и скорее указывают на качественную сторону отношений, чем на количественную, так как в действительности мы имеем дело с числом «N». Если же мысленно достроить эту схему до бесконечности пересекающихся окружностей, то получится модель строения атома – одной из первооснов всего сущего, микрокосм. Тем самым миросозерцание предстает своего рода архетипом, раскрывающим структурную адекватность мира и его познания.

Итак, *миросозерцание* – тип мышления, связанный с интуитивным (вне-логическим или сверх-логическим) способом познания, в результате которого мир предстает нерасторжимым, взаимопроникающим единством

¹² «Воззрение» в данной схеме отождествляется с позицией наблюдателя.

вещи и идеи, предмета и смысла, тела и духа. Созерцающий постигает суть всего, не прибегая к отвлеченно-рационалистическим понятиям и категориям, схватывая объект созерцания во всей его многомерной полноте. Вследствие этого мир воспринимается своего рода «сферой», обозреть которую можно лишь посредством совмещения различных точек зрения и пространственно-временных проекций. Причем сам мир находится одновременно в состоянии покоя, сохраняя свою «наглядность» и целостность в пространстве, и динамики, постоянного внутреннего движения, изменения во времени, которые тоже являют собой объект созерцания¹³. При таком подходе *миросозерцание* предстает особым типом отношения созерцающего сознания к миру, при котором субъект приобщается к созерцаемому, не навязывая ему своего понимания, а пытаясь взглянуть в содержащееся в нем и прочесть его как особую систему знаков, и организованную в метатекст, и кодирующую соответствующий метасмысл, далеко не всегда поддающийся вербализации посредством отвлеченных понятий и постижению рационально-аналитическим путем. Дешифровка, распознавание этого смысла возможны лишь посредством созерцания – чувственного и интеллектуального в одно и то же время¹⁴ – или, в терминологии Н. Лосского, – интеллектуальной интуиции.

Выводы. Таким образом, понятие «миросозерцание» в данном контексте вмещает в себя и характеристику созерцаемого мира, и способ его постижения, вследствие чего объект и субъект в нем предстают взаимообусловленным единством¹⁵.

¹³Заметим, что говоря о «сферичности» созерцаемого мира, мы не имеем в виду уподобление одного другому или эмблематическое означивание мира посредством геометрической фигуры; речь идет лишь о возможных зрительно-графических представлениях как метафорическом обобщении самой идеи созерцаемого мира.

¹⁴Напомним, что И. Кант признавал только созерцание чувственное; понятие интеллектуального созерцания ввел Фихте [5, с. 13].

¹⁵Следует оговорить, что миросозерцание как познавательная модель соприкасается с родственными понятиями «картина мира» и «образ мира». Между тем, при всей их родственности, они обладают различным смыслом. Поскольку данный вопрос требует специального рассмотрения, выходящего за рамки целей и задач нашего исследования, ограничимся несколькими замечаниями. В Медушевский, одним из первых использовавший термин «картина мира» в музыкознании, видит в ней, прежде всего, «главные объекты мировоззренческих отношений»; исторические же варианты «картины мира» определяются теми акцентами, которые перераспределяются между этими объектами. [21, с. 83-95]. Аналогичную мысль высказывает Ю. Лотман: «Количество основных элементов, из которых строится картина мира, относительно невелико и имеет универсальный характер. Отличия возникают на уровне комбинаций» [9, с. 122]. Из приведенных данных видно, что ученые склонны понимать под «картиной мира» стабильную систему объектов, подвергаемую смысловой переакцентировке в различные исторические периоды. Отсюда и другое представление о ней – как коммуникативно-семиотической системе: «Взаимопонимание возможно, если в основе культуры будут лежать общие исходные представления и образы, и если продукты культуры можно будет возводить к единому смысловому полю с единым интерпретирующим ключом для мира в целом и события в нем. Роль такого ключа и выполняет общая картина мира, представляющая собой тот единственный «язык», к которому можно естественным образом свести основное содержание культуры из разных ее сфер» [17, с. 27-28]. Со сходных позиций рассматривается и «образ мира» – как культурологическая категория, предполагающая, согласно Г. Гачеву, связь разнородного, осуществляемому по принципу

Перспективы исследований. Предложенное в статье разграничение понятий «мировоззрение» и «миросозерцание» имеет широкие научные перспективы в плане изучения типологии культур: Западной и Восточной, национальных, исторических, региональных. Использование предложенного подхода позволит уточнить существующие представления о различных художественных методах и творческих индивидуальностях.

Литература:

1. Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. – М.: Coda, 1977. – 347 с.
2. Баумгартен // История эстетики: В 5 т. – Т. 2. – М.: Искусство, 1964. – С. 449-465.
3. Валькова В. Б. Музыкальный тематизм – мышление – культура. – Н. Новгород:, 1992. – 163 с.
4. Гачев Г. Национальные образы мира. Космо – Психо – Логос. – М.: Прогресс-Культура, 1995. – 480 с.
5. Гулыга А. Философское наследие Шеллинга // Шеллинг Ф. В. И. Сочинения: В 2 т. – Т. 1 / Сост., ред. и автор вст. статьи А. В. Гулыга. – М.: Мысль, 1987. – С. 3-33.
6. Лосев А. Ф. Философия, мифология, культура. – М.: Политиздат, 1991. – 525 с.
7. Лосский Н. О. Ценность и Бытие: Бог и Царство Божие как основа ценностей. – Х.: Фолио; М.: АСТ, 2000. – 864 с.
8. Лосский Н. О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб; Республика, 1999. – 408 с.
9. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
10. Науковий вісник Національної музичної академії України ім. П. І. Чайковського. Вип. 48. Художня цілісність як феномен музичної творчості і виконавства: Зб. наук. пр. – К.: НМАУ, 2005. – 294 с.
11. Науковий вісник Національної музичної академії України ім. П. І. Чайковського. Вип. 51. Питання організації художньої цілісності музичного твору: Зб. Наук. пр. – К.: НМАУ, 2005. – 242 с.
12. Одоевский В. Русские ночи. – М.:, 1913. – 430 с.
13. Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М.: Сов. энциклопедия, 1964. – 900 с.
14. Орлов Г. Время и пространство музыки // Проблемы музыкальной науки. – Вып. 1. – М.: Сов. композитор, 1972. – С. 358-394.
15. Померанц Г. Страстная односторонность и бесстрастие духа. – СПб.: Университетская книга, 1998. – 617 с.
16. Потебня А. А. Слово и миф. – М.: Правда, 1989. – 283 с.
17. Серебрянников Б. А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1987. – 216 с.

метафоры [4, с. 15]. Об «образе-понятии», пронизывающем «все разнородные художественные явления», концентрирующем их в себе, определяющем «для той или иной культуры» способе мышления – менталитете – пишет и В. Валькова [3, с. 8]. Исходя из сказанного, становится ясно, что и «картина мира», и «образ мира» характеризуют некоторый познавательный результат, сложившийся в процессе коллективного социо-культурного опыта, а также служат матрицей значений, посредством которой «читается» текст соответствующей национальной культуры либо культуры как всеобъемлющего общечеловеческого достояния. Иными словами, это понятия, действующие в системе семиотики культуры, связанные с проблемой означивания и коммуникации. Миросозерцание же есть одновременно и процесс познания, и его результат, при котором мировое целое предстает в ценностно-эстетическом освещении. Показательно, что Б. Серебрянников видит в «картине мира» особый вид философской рефлексии, занимающий промежуточное место между наукой, мировоззрением и философией, то есть не тождественный мировоззрению, хотя и соприкасающийся с ним [17].

18. Советский энциклопедический словарь. – 3 изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1984. – 1600 с.
19. Фарбштейн А. А. Музыка и философские откровения: К проблематике ранних работ А. Ф. Лосева по философии музыки // А. Ф. Лосев и культура XX века. – М.: Наука, 1991. – С. 83-94.
20. Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФА-М, 2001. – 576 с.
21. Художественное творчество: Вопросы комплексного изучения. – Л.: Наука, 1983. – 279 с.

Надійшла до редакції 3.03.2009